

Человек

Никита МИХАЛКОВ:

Я — лидер.

Поводов встретиться с Никитой Михалковым было два. Во-первых, в пятницу и субботу пройдет Пятый съезд Союза кинематографистов России, который Михалков возглавляет больше трех лет. Во-вторых, Никиты Сергеевича давно не было в «Известиях». Михалков задерживался: договорились на четыре в его студии «ТРИТЭ», но случилось что-то непредвиденное в Фонде культуры (который он возглавляет тоже). Наконец, влетел, извинился за опоздание, сразу позвал в кабинет. Разговаривать начали, еще когда он пальто снимал. Жаль, нельзя передать фирменную михалковскую интонацию — с паузами, актерством, сменой темпа речи.

— Никита Сергеевич, какое количество проблем вы решаете ежедневно? Они ведь на вас, наверное, лавиной обваливаются.

— (Все еще не присев.) Решаю или каким количеством занимаюсь?

— Занимаюсь. (Серьезно.) Сегодня у меня в стадии решения было девятнадцать вопросов. Из них пять — жизненно важных.

— Чего больше — проблем Фонда, Союза или личных?

— Сейчас в основном Фонда, поскольку грядет его юбилей (пятнадцатилетие), и Союза, потому что съезд. Но что хочу отметить: я не делаю ничего, чтобы создать иллюзию успешной работы секретариата Союза. Я помню по детским и молодым годам, чем для отца был съезд Союза писателей СССР или РСФСР. Какое количество людей приходило сверять тексты: об этом говорить, об этом не говорить ни в коем случае, это нужно сказать так, чтобы было понятно так-то, а в случае если будет понято неправильно, чтобы можно было отмотать обратно. Я ничем подобным не занимаюсь. Вот как есть (хлопает ладонью по столу) — так оно и есть.

— Не совсем понимаю, зачем вы пошли руководить Союзом. Но на прошлом съезде вы выступили с программой внебюджетного фонда развития кино, который должен был заниматься и лицензированием видеопроизводства, и прокатом, и строительством мультиплексов. Почему вы от этой программы отказались?

— Нет! Вовсе, нет! Все или почти все, что мы предлагали на предыдущем съезде — что было заблокировано и по поводу чего нам в Госкино говорили «этого никак нельзя», — все делается. Только без Союза кинематографистов. Создается институт, связанный с прокатом (имеется в виду госпроект «Российский кинопрокат», — Ю.Г.), и кинопродукция тоже лицензируется — только Министерством культуры. Идеи расхватаны — но Союз в стороне. Еще мы пытались добиться того, чтобы коллекции советских фильмов принадлежали не студиям, а Союзу. Вел делались они не на деньги студий (того же «Мосфильма»), а на государственные! Я бы еще понял, если бы государство забрало картины в свой особый фонд, а Союз принял бы участие в его формировании. С единственной целью: чтобы художники, делавшие эти картины, или их родственники по закону имели определенный процент от показов картин на ТВ. Как везде в мире. Студия имела бы свой процент, государство — свой, художники — свой. Они бы имели — не Союз! И не от студии, насколько она готова раскошелиться по субъективному мнению ее руководства, а фиксированную долю. Но до сих пор почему-то считается, что госкартины, снятые, скажем, на «Мосфильме», должны приносить доход именно «Мосфильму». Да, я счастлив, что студия Горького или «Мосфильм» имеет возможность отремонтировать за счет коллекций здание. Но вдова режиссера Гайдая, чьи картины крутят по телевизору практически ежедневно, получает от студий гроши и еле сводит концы с концами.

— Вокруг коллекций еще и масса темных историй. Права на некоторые фильмы вообще неизвестно кому проданы.

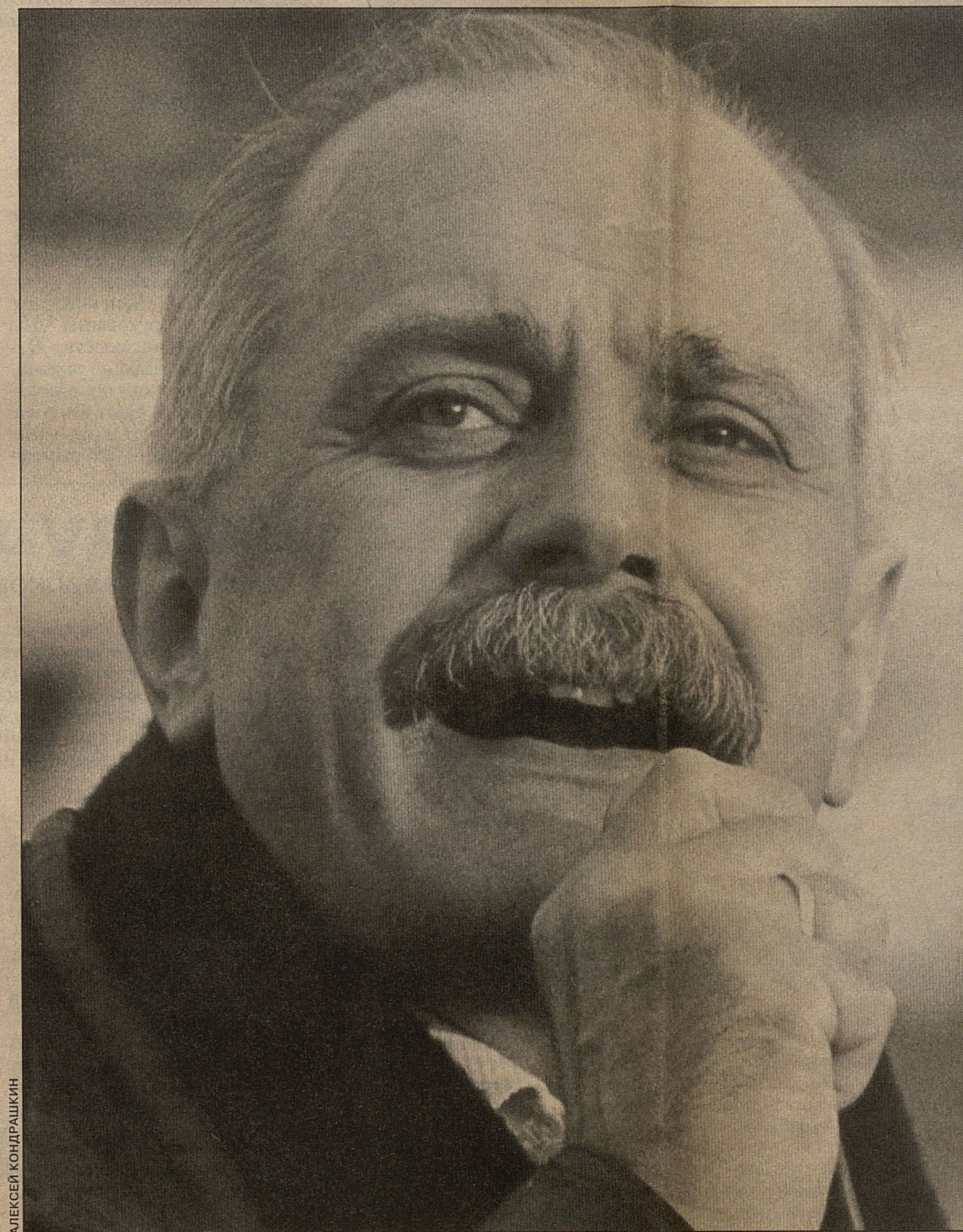
низма, который будет действовать независимо от того, какой сумасшедший может вдруг оказаться у руля Союза. То же с Московским кинофестивалем и Фондом культуры. Чтобы — в случае с Союзом — не было проблем с лечением людей, добавками к пенсиям. Тяжело ведь живут люди! Мой день приема по личным вопросам — я после него стакан водки выпиваю. Приходит (называет звезду советского кино, но фамилию просит не упоминать): у нее проблема — нет восьми долларов на мазь для ног. Приходит другая женщина: «Можно мне поселиться на восемь месяцев в Доме ветеранов кино, не сдавая своей жилплощади?» (Есть такой порядок: если человек переселяется в Дом ветеранов, он должен свою площадь отдать Союзу.) У меня, говорит, дочь, ей негде будет жить. Хорошо, говорю, а почему именно на восемь месяцев? Вот, отвечает, заключение врачей, что мне осталось жить полгода, но прошу на всякий случай на два месяца больше... Вашу мать, и при этом возникает бездарная история с построенным на деньги Союза и принадлежавшим Союзу Киноцентром, который мог бы кормить всех кинематографистов!

— Еще раз: какова ваша версия произошедшего?

— Произошло то, что часть кинематографистов выступила за отделение Киноцентра от Союза. Что говорили, какие бумаги утверждали эти непрофессиональные люди... Я молю Бога, чтобы все делалось по глупости или пьянке, но не по злему умыслу. Я не хочу знать, что мои коллеги сделали это из корысти. Но то, что сделано, — преступление. Когда после Пятого съезда (знаменитого так называемого революционного съезда Союза кинематографистов СССР в 1986 году. — Ю.Г.) полностью сменилось руководство Союза, у него на счету были миллионы. А сколько недвижимости: Болшево, Красная Пахра, Дубулты, Пищула... — самый богатый Союз после писательского.

— Театральный тоже был богатым. Он владел фабриками.

— Но киносоюз получал процент от проката фильмов! Бюро пропаганды киноискусства приносило Союзу сумасшедшие деньги! «Театр массовых преступлений», как любя и в шутку называли бюро, устраивал концерты по всей стране. Клара Лучко выступала, мой дядька Петр Глебов выходил на сцену с чубом и пел под гитару — народ валил валом. Куда подевались доходы? Хорошо: все бывшие республики экспроприировали союзную собственность. Кстати, вот!.. (Читаю официальную бумагу, что «на ваше письмо, Никита Сергеевич, отвечаем следующее: право на Дом творчества «Алушта» Союза кинематографистов СССР имеет Союз кинематографистов Украины»). Такие бумаги мы получили отовсюду — из Армении, Грузии — они все себе забрали. И вдруг возникла страсть к дружбе народов на двадцати с лишним тысячах квадратных метров вблизи Салового колхоза, в Киноцентре. Который якобы не российская собственность, а принадлежит всем — Конфедерации союзов кинематографистов СНГ. Двадцать с лишним тысяч квадратных метров, Юра!.. Пока художники, переполненные ощущениями свобод, эмоционально разбегались друг с другом, яйцеголовые адвокаты, грамотные люди тихо стро-

АЛЕКСЕЙ КОПРАШКИН

И не люблю проигрывать

говна, на ней счастливо самому зажить. Я хочу решить задачи, а потом со спокойной душой сказать: ребята, я ваше поручение выполнил, теперь властвуйте, больше не воруйте, получайте дивиденды, кормите стариков, помогайте молодым, а я поехал снимать кино. Но пока это моя война — война Мерфи (помните замечательный фильм с Питером О'Тулом?). Я лидер. И не люблю проигрывать. Повторяю: мне от этого не надо ни-че-го. У меня есть все для того, чтобы я мог — слава тебе Господи! — жить. Конечно, всегда могут прийти и постучать в дверь: мы обитаем в стране, где ветер может поменяться в любую секунду. Семаго-Искарриот присылал ко мне на студию четыре проверки после «Сибирского цирюльника» — с изъятием документов. Эти люди не способны вообразить, что мне интереснее не украсть, а потратить деньги на фильм. Мы отреставрировали колокольню Ивана Великого, выполнив часть федеральной программы к 850-летию Москвы, для того, чтобы снимать на Соборной площади. У меня у артистов — молодых! — были вагончики с теплой водой и туалетом. Они не ели мамины бутерброды в холодном автобусе — их кормили горячей едой. Мы Москве так-и-е деньги заплатили, чтобы снимать на улицах! Наконец, мы заплатили все налоги. Это первая и пока единственная картина, которая сделана в нашей стране по закону — без отката, когда тебе дают десять миллионов, ты восемь возвращаешь, снимаешь на остальное, а делаешь вид, будто на все десять.

— С 1 января эта система, похоже, работать перестанет. Истекает срок действия льгот на прибыли в сфере кино, которые и делали выгодной систему отката.

— Так потому я и говорю об откате, что это перестает действовать. Год назад меня называли бы предателем, который лишает людей возможности снимать кино.

— Может, сомнения в вашей искренности возникают потому,

нимаю такую позицию, это своего рода отклонение. Чем плохо было собраться в Кремле? Ну единственно тем, что обычно на съездах и пленумах к пяти часам четверста человек подлтых, а так (смеется) было тысячи две.

— Еще раз вернемся к съезду предстоящему. Итак, ваша программа.

— Есть проблемы элементарного выживания и восстановления справедливости — и глобальные проблемы киноиндустрии. Проблем выживания четыре: надо объединить все союзы в один, чтобы Московский, Петербургский и другие самоликвидировались, став региональными отделениями, и имущество СК России было единым и неделимым. Надо решить проблему Киноцентра. Поднять Болшево за счет продажи Красной Пахры (и то и другое не потянуть). Привести в божеский вид здание Союза и Дома кино, сохранив площади Союза, но все же за счет коммерческой деятельности. Что до глобальных задач, то хочу, чтобы съезд принял решение об обращении к правительству и президенту относительно отчислений от каждого проданного билета на американский фильм на производство нашего кино. Как это происходит во Франции — пятнадцать процентов.

— Кто будет контролировать и распределять эти потоки — Союз или Министерство культуры?

— Не знаю. Это как раз то, чем я не позволяю себе заниматься. Не хочу быть дилетантом. Проблемы нашего Союза создали дилетанты, которые все понимают и в юриспруденции, и в строительстве, и в финансах, а в результате все заканчивается бесконечными проигранными судами.

— Но тогда должны быть единая форма билета во всех кинотеатрах и полный компьютерный учет.

— Да, одно тянет другое.

— Похоже, что в кино наконец готов прийти крупный бизнес. Студию в Сочи, например, собираются строить. Владимир Потанин сказал в одном из интервью, что у него какие-то дела с вами. Можете открыть секрет?

— (Продумывая формулировку.) Мы готовим серьезную инвестиционную программу проката, показа и производства фильмов.

— Не только наших?

— Не только.

— Как вы в целом оцениваете наши киноперспективы?

— Опыт показывает, что люди стосковались по своему кино. Пусть оно будет про XIX век (доказал «Цирюльник») пусть как «Брат-2» — отражает ностальгию по сатиризации, сведению счетов, но и желание верить, что мы что-то собой представляем. Что мы не просто унылое стало наркоманов и преступников, тогда как другие в белых фраках.

— Вам нравится «Брат-2»?

— Это очень профессиональное кино и кроме того идеально просчитанное. Грамотная акция, связанная со знанием температуры в обществе. Точно выполнена задача по обслуживанию определенных слоев публики: там и попса, и звезда шоу-бизнеса, и мера национализма, шовинизма даже — причем шовинизма, направленного не внутрь страны, а вовне, что объединяет всех, кто внутри. Я оцениваю цинично — как кинематографист и не говорю сейчас о других аспектах, связанных с этим фильмом.

Мне нравится фраза из летописи XII века, где сказано: что-то не получилось, поскольку делалось с тяжким звероподобным рвением. Как с тяжким звероподобным рвением мы бросились в объятия западной цивилизации, так теперь с тем же звероподобным рвением начинаем ее поносить. Но этот откат начинает возвращать нашего зрителя к его ге-

картину Air Force One — «Самолет президента»? Пентагон.

— Неловко читать, что ведущие американские кинематографисты собрались вместе с высокими чиновниками, чтобы вместе обсудить, как исправить с помощью кино образ Америки, ухуливающийся в мире после начала бомбардировок.

— Ю ар узлам. И цензура. И ряд картин закрыт. И возникает вопрос о непоказе фильмов, разлагающих патриотические чувства американцев. Мы в подобной ситуации возмущены. В том же Союзе мгновенно соберем «Пленум по свободе слова». Потом нас сломают или не сломают, кто-то уйдет в несознанку. Американцы же отправятся по намеченному пути спокойно и ясно. Это я понял еще после письма с поправками по «Сибирскому цирюльнику», которое мне написал Кевин Костнер (мы пытались привлечь его к проекту): чтобы американский сервант не был так груб и знал Моцарта, а Джейн, коли уж служила проституткой, пусть лучше превратится в англичанку. Это несколько лет назад! Сейчас американцы все с наслаждением выполнят и не будут ошущать над собой насилия, поскольку «это нужно сегодня нашей Америке». Они раскупили флаги, противоязвы и антибиотики — потрясающе! Если бы я снял картину, абсолютно зеркальную спилберговской, только не про рядового Райана, а про рядового Иванова, что бы все вокруг сказали?

— Что это: а) соцреалистическое кино, б) патриотико-шовинистическое...

— И что все ложь! Грязная ложь, фальсификация.

— Что это ложь, у нас про Спилберга тоже писали.

— Но он же снимал картину для американцев. Ему все равно, что скажут про нее в редакции московской газеты.

— Раз уж заговорили про «Рядового Иванова»: вы какой проект первым затеваете — «Статского советника» или «Утомленных солнцем-2»?

— Оба.

— Параллельно? И когда?

— Даст Господь, съемки «Статского советника» должны начаться 16–20 февраля. И через год фильм появится.

— Фандорин — Меньшиков?

— Конечно.

— Сценарий готов?

— Акунина написал пять вариантов, постепенно мы все утрясли, я высказывал лишь свои соображения. Самая большая победа в том, что я убедил Акунина сделать финал не таким, как в романе.

— Там в финале Фандорин уводит с госслужбы.

— Здесь — посмотрим.

— А вы, кажется, сыграете того типа — высокого чиновника из Петербурга, который затевает все гадостные интриги?

— Да, негодяя Пожарского. (Смехом.) Кому еще негодия играть? В глазах общественности все сомкнется.

— «Утомленные солнцем-2» — это про какие годы?

— Сорок третий — сорок четвертый, но во флэшбеках будет сорок первый — таким кошмаром. Проблема в том, что у меня полный прилавок потрясающих продуктов (придуманных сцен), и я не знаю, какую выбрать каштанию. Сегодня снимать сюжетную картину, как «Утомленные солнцем», по-моему, невозможно. Мне очень страшно взять за основу ту форму, которая приходит в голову. Страшно. Хотя само по себе это классно, когда картина собирается для зрителя воедино лишь в тот момент, когда он вышел из зала.

— То есть вы хотите сказать, что это будет не вполне повествовательная картина? (Пауза.) Какой-то пример, чтобы было по-

как есть (хотите, любите, но сполу) — так оно и есть.

— Не совсем понимаю, зачем вы пошли руководить Союзом. Но на прошлом съезде вы выступили с программой внебюджетного фонда развития кино, который должен был заниматься и лицензированием видеопроизводства, и прокатом, и строительством мультиплексов. Почему вы от этой программы отказались?

— Нет! Совсем, нет! Все или почти все, что мы предлагали на предыдущем съезде — что было заблуждено и по поводу чего нам в Госкино говорили «этого никак нельзя», — все делается. Только без Союза кинематографистов. Создается институт, связанный с прокатом (имеется в виду госпроект «Российский кинопрокат», — Ю.Г.), и кинопродукция тоже лицензируется — только Министерством культуры. Идеи расхватали — но Союз в стороне. Еще мы пытались добиться того, чтобы коллекции советских фильмов принадлежали не студиям, а Союзу. Ведь делались они не на деньги студий (того же «Мосфильма»), а на государственные! Я бы еще понял, если бы государство забрало картины в свой особый фонд, а Союз принял бы участие в его формировании. С единственной целью: чтобы художники, делавшие эти картины, или их родственники по закону имели определенный процент от показов картин на ТВ. Как везде в мире. Студия имела бы свой процент, государство — свой, художники — свой. Они бы имели — не Союз! И не от студии, насколько она готова раскошелиться по субъективному мнению ее руководства, а фиксированную долю. Но до сих пор почему-то считается, что картины, снятые, скажем, на «Мосфильме», должны приносить доход именно «Мосфильму». Да, я счастлив, что студия Горького или «Мосфильм» имеет возможность отремонтировать за счет коллекций здание. Но вдова режиссера Гайдая, чьи картины крутят по телевизору практически ежедневно, получает от студий гроши и еле сводит концы с концами.

— Вокруг коллекций еще и масса темных историй. Права на некоторые фильмы вообще неизвестно кому запропаны.

— (С досадой.) Это вообще все... Я не хочу даже на эту тему... Как только ты начинаешь высказываться, тебя же обвиняют в... Пусть этим занимаются те, кто разбирается.

— Так что, у Союза недостаточно сил?

— У Союза большой потенциал, если дело касается склочной крикливой возни друг с другом, но нет мышц для деловой работы. Скок вокруг Московского союза кинематографистов — булет он или нет — кому она нужна? Живущие в Москве платят взносы в Союз кинематографистов России и не печалуются о том, есть ли еще и некий Московский союз. Уверяю вас, он нужен лишь тем пятнадцать, кому важно позиционировать себя как «секретариат Московского союза». У них нет недвижимости, ничего, кроме амбиций. Мы говорили с Саввой Кулишом, парство ему небесное (кстати, из всех московских секретарей я единственный, кто вернулся с «Кинотавра» на его похороны. Больше никто из, так сказать, коллег. Но это уже другой разговор, да?), так вот, я предлагал: «Савва, давайте весь ваш московский секретариат станет российским. А Московский союз самодисквидируется. Мы же уйдём. Важно, чтобы Союз был единым». К сожалению, мы не успели договориться. Мне искренне жаль Павла Финна, сменившего Кулиша на посту первого московского секретаря. Я вижу, как он хочет найти выход из положения. Но удается ли ему сладить с жадной властью некоторых из его коллег по московскому секретариату? Власть пьянит.

— А вас она не пьянит?

— Наелось, нет. Меня не интересует ни фигурирование в качестве кого-то, ни власть как таковая. Меня интересует деловые меха-

— Еще раз: какова ваша версия происшедшего?

— Произошло то, что часть кинематографистов выступила за отделение Киноцентра от Союза. Что говорили, какие бумаги удерживали эти непрофессиональные люди... Я молю Бога, чтобы все делалось по глупости или пьянке, но не по злему умыслу. Я не хочу знать, что мои коллеги сделали это из корысти. Но то, что сделано, — преступление. Когда после Пятого съезда (знаменитого так называемого революционного съезда Союза кинематографистов СССР в 1986 году. — Ю.Г.) полностью сменилось руководство Союза, у него на счету были миллионы. А сколько недвижимости: Болшево, Красная Пахра, Дубулки, Пичунда... — самый богатый Союз после писательского.

— Театральный тоже был богатым. Он владел фабриками.

— Но киносоз получал процент от проката фильмов! Бюро пропаганды киноискусства приносило Союзу сумасшедшие деньги! «Театр массовых преступлений», как любя и в шутку называли бюро, устраивал концерты по всей стране. Клара Лучко выступала, мой дядка Петр Глебов выходил на сцену с чубом и пел под гитару — народ валит валом. Куда подевались доходы? Хорошо: все бывшие республики экспроприровали союзную собственность. Кстати, вот!.. (Читает официальную бумагу, что «на ваше письмо, Никита Сергеевич, отвечаем следующее: право на Дом творчества «Алушта» Союза кинематографистов СССР имеет Союз кинематографистов Украины»). Такие бумаги мы получили отовсюду — из Армении, Грузии — они все себе забрали. И вдруг возникла страсть к дружбе народов на двадцати с лишним тысячах квадратных метров близки Садового кольца, в Киноцентре. Который якобы не российская собственность, а принадлежит всем — Конфедерации союзных кинематографистов СНГ. Двадцать с лишним тысяч квадратных метров, Юра!.. Пока художники, переполненные ощущениями свобод, эмоционально разбались друг с другом, яйцеголовые адвокаты, грамотные люди тихо строили бумаги, посылали их в Минюст — и в результате эти квадратные метры стали частной собственностью. Частной! Я вам сейчас документ дам. (Показывает два свидетельства правительства Москвы о внесении зданий в реестр собственности. Здание Союза кинематографистов России на Васильевской площади 9404,00 кв.м принадлежит Союзу. Форма собственности: общественных организаций. Зданием на Дружинниковской площади 20422,70 кв.м, прежде принадлежавшим Союзу кинематографистов СССР, теперь владеет Международное закрытое акционерное общество «Киноцентр». Форма собственности: частная.) И при этом они платят налоги всего-то с десяти миллионов рублей в год, хотя все площади кому-то сланы! И еще выгоняют Музей кино. А я хлебаю дерьмо в прессе — от Мотыля, от Наташи Фатеевой, от Эмilia Лотяну, что-де пытаюсь не-что захватить!

— Вы как-то сказали, что если государство заявит: дело закрыто, Киноцентр упили навсегда, то оно обязано предоставить Союзу иной источник финансирования. Это реально?

— Сегодня реальнее вернуть Киноцентр. Они выиграли шесть судов. Их бумаги составлены идеально. Но Конфедерация союзных кинематографистов, которая считает себя правопреемницей Союза кинематографистов СССР, не легитимная организация. Она была бы легитимной, если бы собрался съезд Союза кинематографистов СССР, распустил тот Союз и передал его полномочия Конфедерации. А съезда не было. Формально Союз кинематографистов СССР еще существует.

— Вы имеете претензии к кому-то из своих предшественников на месте главы Союза?

АЛЕКСЕЙ КОЗДРАШКИН

И не люблю проигрывать

ИГОРЬ ГИЕВШЕВ

Михалков как режиссер (на съемках «Сибирского цирюльника», когда Красную площадь в оттепель пришлось засыпать искусственным снегом)

РОКСОЛАНА ЧЕРНОБА

Михалков как официальное лицо (в данном случае президент Московского кинофестиваля) с Джеком Николсоном и Ларой Флинн Бойл

— Имею. К Элему Климову, Андрею Смирнову, Сергею Соловьеву.

— Климов и Смирнов были из-лишними романтиками?

— Не знаю. Я могу отвечать с того момента, когда сам пришел в Союз. Мы упорядочили бумаги — их раскрадено кошмарное количество, финансовые документы хранились в коридорах в открытых шкафах — что хочешь бери или переписывай. Это раздолбайство, граничащее с преступлением. Свой угол обустроить, телогрейку надеть, чайничек поставить, двести пятьдесят граммов накатить — а на остальное наплевать... Вы говорите, зачем я пришел в Союз? Давайте разберемся. Двадцать лет назад первый секретарь Союза кинематографистов — это что такое? Депутат Верховного Совета, член ЦК, черная «Волга» под задницей, кремлевка, реальная власть и возможности. Определенная ответственность, но было за что биться,

да? В перестройку тоже было. Секретарь Союза — это возможность ездить в неведомую прежде заграницу, жить в пятизвездных отелях, летать первым классом. Я не говорю «украсть и построить дачу», но — посмотреть мир, побывать членом жюри Каннского фестиваля.

— Теперь иная ситуация. Я пришел в Союз, вот клянусь вам, от стыда: помочь умирающему организму. Я могу с чистой совестью выйти на любой хурал. Я ничего не взял чужого. Не потому, что в Союзе нечего взять (хотя действительно нечего). Даже зарплату, которая мне полагается, я увеличил в полтора раза и передал Дому ветеранов. Потом в одной газете написали: первое, что сделал Михалков, увеличил себе зарплату в полтора раза. Про то, что передал, ни слова. Ну Бог с ним, не имеет значения. Я вкладывал силы, время, свои деньги и связи, чтобы вести борьбу — это борьба! — за то, чтобы вернуть Союзу то, что ему

принадлежит. Другому этот пост дал бы связи — но у меня они уже были. И я не стал экономить их для того, чтобы потом, скажем, выпросить деньги на собственные фильмы. Я четкой выбивал пыль из ковров в начальных кабинетах. Визировал бумаги, доказывал, притом, заметьте, не по своей только воле. Я выполнял решение Четвертого съезда, поручившего мне вернуть Киноцентр СК России. И я искренне благодарен и президенту, и председателю правительства за то, что они услышали нас, вникли в суть наших проблем и приняли политическое решение в пользу отечественных кинематографистов.

— Короче, все эти три года наша работа напоминает труд золотарей и сантехников — вывозим говно и латаем трубы.

— Можно оставить в тексте эту фразу?

— Пожалуйста. И у меня нет амбиций, расхитив площадку от

молодых! — были вагончики с теплой водой и туалетом. Они не ели мамины бутерброды в холодном автобусе — их кормили горячей едой. Мы Москве так-и-е деньги заплатили, чтобы снимать на улицах! Наконец, мы заплатили все налоги. Это первая и пока единственная картина, которая сделана в нашей стране по закону — без отката, когда тебе дают десять миллионов, ты восемь возвращаешь, снимаешь на остальное, а делаешь вид, будто на все десять.

— С 1 января эта система, похоже, работать перестанет. Истекает срок действия льгот на прибыль в сфере кино, которые и делали выгодной систему отката.

— Так потому я и говорю об откате, что это перестает действовать. Год назад меня назвали бы предателем, который лишает людей возможности снимать кино.

— Может, сомнения в вашей искренности возникают потому,

молоты! — были вагончики с теплой водой и туалетом. Они не ели мамины бутерброды в холодном автобусе — их кормили горячей едой. Мы Москве так-и-е деньги заплатили, чтобы снимать на улицах! Наконец, мы заплатили все налоги. Это первая и пока единственная картина, которая сделана в нашей стране по закону — без отката, когда тебе дают десять миллионов, ты восемь возвращаешь, снимаешь на остальное, а делаешь вид, будто на все десять.

— С 1 января эта система, похоже, работать перестанет. Истекает срок действия льгот на прибыль в сфере кино, которые и делали выгодной систему отката.

— Так потому я и говорю об откате, что это перестает действовать. Год назад меня назвали бы предателем, который лишает людей возможности снимать кино.

— Может, сомнения в вашей искренности возникают потому,

молоты! — были вагончики с теплой водой и туалетом. Они не ели мамины бутерброды в холодном автобусе — их кормили горячей едой. Мы Москве так-и-е деньги заплатили, чтобы снимать на улицах! Наконец, мы заплатили все налоги. Это первая и пока единственная картина, которая сделана в нашей стране по закону — без отката, когда тебе дают десять миллионов, ты восемь возвращаешь, снимаешь на остальное, а делаешь вид, будто на все десять.

— С 1 января эта система, похоже, работать перестанет. Истекает срок действия льгот на прибыль в сфере кино, которые и делали выгодной систему отката.

— Так потому я и говорю об откате, что это перестает действовать. Год назад меня назвали бы предателем, который лишает людей возможности снимать кино.

— Может, сомнения в вашей искренности возникают потому,

молоты! — были вагончики с теплой водой и туалетом. Они не ели мамины бутерброды в холодном автобусе — их кормили горячей едой. Мы Москве так-и-е деньги заплатили, чтобы снимать на улицах! Наконец, мы заплатили все налоги. Это первая и пока единственная картина, которая сделана в нашей стране по закону — без отката, когда тебе дают десять миллионов, ты восемь возвращаешь, снимаешь на остальное, а делаешь вид, будто на все десять.

— С 1 января эта система, похоже, работать перестанет. Истекает срок действия льгот на прибыль в сфере кино, которые и делали выгодной систему отката.

— Так потому я и говорю об откате, что это перестает действовать. Год назад меня назвали бы предателем, который лишает людей возможности снимать кино.

— Может, сомнения в вашей искренности возникают потому,